

Большой театр. — 2000. — 16 марта (ч. 7)

ПЕВЕЦ ЛЮБВИ, ПЕВЕЦ ПЕЧАЛИ...

14 марта Большой театр отметил 100-летие Ивана Семеновича Козловского

Из высказываний И. С. Козловского

Наверное, было бы глупо и странно пересказывать биографию Ивана Семеновича Козловского. Это имя, кажется, знакомо абсолютно всем независимо от того, были вы когда-нибудь в Большом театре или нет. Оно неразрывно связано с историей отечественной музыки.

Выдающийся лирический тенор, неповторимый в каждой роли, по-особому чувствовавший природу камерной вокальной музыки, он был всемирно любим, оставаясь во многом элитарным.

Его долгая жизнь была полна разных событий: огромное количество ролей, колоссальная концертная деятельность в разных уголках тогда еще Советского Союза, большая семья, друзья...

Он был удивительно красив и умел окружать себя красотой. Он был искренне верующим, оберегая и неся эту веру глубоко в себе. Он умел радоваться жизни, но даже сквозь улыбку проступала в нем путь светлая, но печальная. И, наконец, он был артистом в самом широком смысле этого слова.

Отмечая столетний юбилей Ивана Семеновича Козловского, мы решили предложить вниманию читателей не очередную историю творческой жизни в Большом театре, а сокровенные мысли замечательного певца об искусстве, любимых ролях, опере и ранее не публиковавшиеся воспоминания его секретаря и преданного друга Н. Ф. Слезиной.

И. С. Козловский — это яркая страница в истории отечественного оперного искусства. Лирика восторженного поэта оперы Чайковского; гротеск прокофьевского принца, влюбленного в три апельсина; вечно юный созерцатель красоты Берендей и певец «далекой Индии чудес» Римского-Корсакова; лучезарный посланец Граала Вагнера; обольстительный герцог Манту Дж. Верди, его же мятущийся Альфред; благородный мститель Дубровский...

Создание классического образа в оперном театре — явление очень редкое. Исполнителей ролей много, среди них есть замечательные. Создателей подлинных образов — единицы. Одним из таких создателей был И. С. Козловский.

Борис Покровский.

В партии Альфреда («Травиата»), 1933 г.

Говорить о том, как пел тот или иной певец, или, точнее, описывать пение, стараясь словами передать звучание голоса певца, — мне кажется напрасной попыткой. Никогда такое описание пения не казалось мне убедительным, а порою даже раздражало. Правильнее говорить, думается, о воздействии искусства певца, о впечатлении, которое производило пение на слушателей, на товарищей по искусству, на партнеров по выступлениям на оперной сцене и концертной эстраде.

А. Матова (Алена) и И. Козловский (Данило) в опере Прокофьева «Любовь к трем апельсинам». 1927 год.

Мне думается, лучшая награда для исполнителя — почувствовать, что заставил в тысячной аудитории каждого по-своему сердцем и умом отзываться на то, о чем поешь. Вызвать эмоции — в этом суть, в этом задача композитора и певца...

Настоящая музыка всегда находит путь к сердцу человека, оставляет в нем глубокий след. Кстати, в этом ее отличие от всех легковесных песенок-бодрячек, которые живут один день.

Няя эту озорную трактовку и увидел в ней ключ ко всей опере.

Опера — особое проявление творческого стремления человека воссоздать многообразную картину мира. Опера обладает своими строгими закономерностями, нарушение которых приводит к дисгармонии и неестественности. Опера — оперное. Драматургия образа в спектакле должна целиком идти от музыки. Опера — условный, поэтический жанр; поверхностное, бытовое правдоподобие несовместимо с его природой, а примитивное понимание того, что на сцене современно, порождает дисгармоничное и уродливое зрелище.

Лоэнгрин. 1926 год.

Одна из моих любимых партий, пожалуй, Принц в опере Прокофьева «Любовь к трем апельсинам».

В середине 20-х годов, когда ставился этот спектакль в Большом театре, на репетициях присутствовал сам автор... Там есть такое место: Принц начинает смеяться и долго хохочет, целых две страницы нет! Постановщик А. Дикий и сам Прокофьев хотели, чтобы Принц смеялся «всерьез», мне же казалось, что здесь должна быть ирония, насмешка, ведь вся опера насмешка иронична.

Сел я верхом на суплерскую будку и начал свои «Ха, ха-ха, ха-ха!», а сам считаю «смешки» на пальцах. Не хватило пальцев на руках, скинул туфли и начал на ногах считать! Сергей Сергеевич Прокофьев сам засмеялся, за ним и весь оркестр... автор при-

шарфом, с цветами. Как всегда после концерта, вид у него какого-то освобожденный, легкий, я бы даже сказала — размягченный и добрый.

Меня встречает шуткой: «Приехала?..» Думал, здесь покажут спокойно! На самом же деле как будто и доволен. Спрашивает, как долетела, что в Москве, как маленькая на даче.

Идем к нему в номер. Живет он в одном из лучших номеров гостиницы — скромном, но все же двухкомнатном. В первой — большой письменный стол, тумбочка и два кресла, во второй — две кровати, маленький столик, низкие кресла, зеркало. Вот и все.

Иван Семенович веселый, попросил пригласить Ариадну Борисовну, пришли Н. А. Миронов и Г. П. Никитин. Николай Андреевич завтра уезжает, поэтому посидел с нами недолго. Меня удивило, что он обращается к Ивану Семеновичу на «ты». Это в общем-то не часто бывает. Быстро ушел и Никитин. А мы посидели тихо, посмеялись, поужинали на этом маленьком, почти журнальном, столике.

Назавтра утром я пришла к Ивану Семеновичу, мы позавтракали и стали собираться. «Ракета» уходит что-то около 12 часов. Компания

составилась довольно большая: Иван Семенович, Ирина Федоровна, Надежда Алексеевна, Геннадий Петрович Никитин, Клара Иткина, гитарист из Горького Слава Широков, молодой, длинный и тонкий (прекрасный, как оказалось, музыкант), и творческое содружество с Иваном Семеновичем продолжалось впоследствии, несколько человек артистов и мы — Ариадна Борисовна с сыном и я.

Все очень оживлены и хорошо настроены. Наши дамы-подружки — Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна — взяли с собой какую-то еду — конечно, кур, огурцы, что-то еще. Над этим все подтрунивают. Но Ирина Федоровна стойко отбивается, угрожая, что никому не даст даже поюхать. Мужчины тут же добыли какое-то хорошее пиво и хотят взять его на остров, но в то же время таскать никому не хочется.

Погода дивная — жара, ветра нет, нет ни облачка... Поэтому и озеро само синее-синее. Берега иногда исчезают из поля зрения, иногда один берег — попеременно то правый, то левый — виден. Берега мягкие, зеленые, низкие. Никакого жилья.

(Окончание на 4-й стр.)

Петрозаводск — Кижи

Из воспоминаний секретаря И. С. Козловского Нины Феодосьевны Слезиной

И то же в вас очарование... 70-е годы.

Итак, я лечу в Кижи...

Сегодня 27 июля 1967 года.

Иван Семенович улетел в Петрозаводск еще позавчера. Там гастролирует Горьковская опера и он будет выступать вместе с ее оркестром и артистами. Всего — 3 концерта: 25-го, 26-го и сегодня, 27-го. На первые два не по-падаю, а на последний, сегодняшний, успею.

В Петрозаводске вместе с Иваном Семеновичем улетел пианист Николай Андреевич Миронов. И по настоячивому приглашению туда же уехали Ирина Федоровна Шляпина и Надежда Алексеевна Пешкова. Уехала и жена философа Валентина Фердинандовича Асмуса — Ариадна Борисовна с сыном.

У Ивана Семеновича концерт в театре, поэтому пока он недоступен.

В ресторане — первая встреча — за столиком сидят Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна. С Ириной Федоровной мы, смею сказать, старые знакомые и даже приятельницы, партнеры по премьерам, а Надежду Алексеевну я вижу впервые. Обедаем все вместе. Ирина Федоровна пока очень довольна поездкой (что, кстати, не

так часто бывает), она первый раз в этих местах, город ей очень нравится, публика — тоже. Она выступала уже дважды — читала эпизоды из биографии отца Федора Ивановича Шляпина. Сегодня тоже будет участвовать в концерте Ивана Семеновича. Надежда Алексеевна известна мне по книжкам как «Тимоша», дерется очень просто, с большим изяществом и обаянием. Она с увлечением рассказывает о том, что успела увидеть в городе. Они с Ириной Федоровной уже съездили на водопад «Кивач» и полны впечатлений и восхищаются здешней природой. Все с нетерпением ждут поездки в Кижи. Ариадна Борисовна удрала туда с сыном сегодня, считая, что одной поездки для нее будет мало.

До концерта остается совсем немного времени.

Народу в театре много, но все же зрительный зал не полон, что обидно, но неудивительно для такого небольшого городка, как Петрозаводск, да еще в разгаре лета, когда нет наплыва туристов, уже месяц гастролирует опера, и третий концерт самого Ивана Семеновича.

Концерт начинает И. Ф. Шляпина. Она в темном костюме, похожая на величавую маркизу, жаль, что платочек под костюмом убирает шею, а это утяжеляет ее и без того грузную фигуру. Сидя за столиком, она читает эпизод из биографии Шляпина — концерт в Орехово-Зуеве.

Слушают ее очень внимательно, принимают хорошо. На меня ее выступление произвело самое благоприятное впечатление и от

того, насколько выразительно она читала, и от того, что читала именно она.

Описывать концерты Ивана Семеновича я не могу. Для квалифицированного разговора у меня нет знаний, а любительские «ахи» сама не люблю.

Пел он два отделения. Был во фраке и великолепно выглядел. Задник на сцене дали хорошего светло-синего цвета, с мягким освещением, и на этом фоне прекрасная черная фигура с белой головой была скульптурна, благородна и гармонична. И эта гармоничность Ивана Семеновича во всем, что он делает, в который раз меня поразила. Думаю, он всегда видит себя со стороны, а придирчив он достаточно, и к себе — тоже...

В первом отделении пел романсы Рахманинова, в том числе свои лучшие: «Здесь хорошо», «Проходит все» и даже «Христос воскрес» в сопровождении рояля. Пел хорошо, но у меня было абсолютное убеждение, что эти романсы должны были венчать концерт. Заканчивалось первое отделение арией Ленского.

Во втором пел старинные русские романсы, легко, с блеском и огромным успехом.

В концерте принимала участие прима горьковской оперы Клара Иткина. Прекрасно звучал дуэт «Не искушай...» Глинки.

Но вот Иван Семенович освободился. Теперь и он может не только смотреть, но и видеть — и город, и водопад, и остров, и все... Можно выйти из жестких рамок певческого режима.

Возвращаемся после концерта втроем. Очарование от города увеличивается — светло, тихо и просторно.

Жду Ивана Семеновича в вестибюле гостиницы на втором этаже. Наконец он появляется — в своем темно-зеленом плаще, с пестрым

шарфом, с цветами. Как всегда после концерта, вид у него какого-то освобожденный, легкий, я бы даже сказала — размягченный и добрый.

Меня встречает шуткой: «Приехала?..» Думал, здесь покажут спокойно! На самом же деле как будто и доволен. Спрашивает, как долетела, что в Москве, как маленькая на даче.

Идем к нему в номер. Живет он в одном из лучших номеров гостиницы — скромном, но все же двухкомнатном. В первой — большой письменный стол, тумбочка и два кресла, во второй — две кровати, маленький столик, низкие кресла, зеркало. Вот и все.

Иван Семенович веселый, попросил пригласить Ариадну Борисовну, пришли Н. А. Миронов и Г. П. Никитин. Николай Андреевич завтра уезжает, поэтому посидел с нами недолго. Меня удивило, что он обращается к Ивану Семеновичу на «ты». Это в общем-то не часто бывает. Быстро ушел и Никитин. А мы посидели тихо, посмеялись, поужинали на этом маленьком, почти журнальном, столике.

Назавтра утром я пришла к Ивану Семеновичу, мы позавтракали и стали собираться. «Ракета» уходит что-то около 12 часов. Компания

составилась довольно большая:

Иван Семенович, Ирина Федоровна, Надежда Алексеевна, Геннадий Петрович Никитин, Клара Иткина, гитарист из Горького Слава Широков, молодой, длинный и тонкий (прекрасный, как оказалось, музыкант), и творческое содружество с Иваном Семеновичем продолжалось впоследствии, несколько человек артистов и мы — Ариадна Борисовна с сыном и я.

Все очень оживлены и хорошо настроены. Наши дамы-подружки — Ирина Федоровна и Надежда Алексеевна — взяли с собой какую-то еду — конечно, кур, огурцы, что-то еще. Над этим все подтрунивают. Но Ирина Федоровна стойко отбивается, угрожая, что никому не даст даже поюхать. Мужчины тут же добыли какое-то хорошее пиво и хотят взять его на остров, но в то же время таскать никому не хочется.

Погода дивная — жара, ветра нет, нет ни облачка... Поэтому и озеро само синее-синее. Берега иногда исчезают из поля зрения, иногда один берег — попеременно то правый, то левый — виден. Берега мягкие, зеленые, низкие. Никакого жилья.

(Окончание на 4-й стр.)

Под дождем. (С женой Галиной, дочерьми Анной и Анастасией и племянницей). 40-е годы.

Под дождем. (С женой Галиной, дочерьми Анной и Анастасией и племянницей). 40-е годы.

Публикуется впервые.

Корсаковский Иван Семенович
16.3.2000

17

Петрозаводск — Кжи

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Не знаю, какое впечатление произвело бы все, что мы увидели, в другое время. Наверное, в каждый период в нем есть своя прелест. Но зрелище необыкновенное. Высокая ярко-желтая роза, нескошенная трава, кое-где скирды уже убранного хлеба.

Причаливаем к берегу. Идем вместе, не спеша, наслаждаясь всем окружающим. Слава потихоньку наигрывает на гитаре. Ирина Федоровна, сверкая своими огненными черными глазами, присплюсывает цыганочку.

— Сено!

Все валимся в копну сена. Хорошо! Настроение у всех великолепное. Идем дальше и встречаем большую группу туристов в обычном для них рваном облакении. Они сразу же обратили внимание на Ивана Семеновича. Сначала улыбались сдержанно иглядывались. Потом несколько человек подошли и попросили у него автограф, после чего Иван Семенович уже был прочно взят в плен, но терпеливо и, по-моему, не без удовольствия, удовлетворил всех желающих. Они хором прокричали ему: «Спасибо! Пойте долго, Иван Семенович!»

Он им представил дорогих спутников: «Вот это Ирина Федоровна Шаляпина, дочка Федора Ивановича, это Надежда Алексеевна Пешкова, невестка А. М. Горького, жена его сына Максима, это товарищи, коллеги, музыканты из Горького...» В итоге автографы дали и Ирина Федоровна, и Надежда Алексеевна.

Иван Семенович верен себе. Не умеет и не любит радоваться один. Ему всегда хочется приобщить к своей радости, к тому, что он видит, и тех, кого нет в этот момент рядом. Тут же написал открытки Хряковым, Гельфрейху, Петру Павловичу Никитину. Все подписали эти открытки и послали таким образом привет из Кижей в Москву.

Пришла наш экскурсовод. Молодая, тоненькая девушка по имени Тоня.

Идем назад. За это время договорились о лодке, и теперь можем побывать на других островах и проехаться по Онеге.

Неожиданно раздается: «О!» — это Иван Семенович увидел кого-то из знакомых. Оказалось — киноактрисы Клара Лучко и Лидия Смирнова. Они присоединяются к нам. Честно сказать, это вызвало некоторые осложнения с размещением в лодке, но Иван Семенович есть Иван Семенович, положение его обязывает, а характер не позволяет поступить иначе.

Увеличивавшаяся на две единицы компания продолжает двигаться к лодке. По дороге нас догоняет телега с сеном. На эту телегу с удовольствием залезает сам Иван Семенович и, конечно, уговаривает Ирину Федоровну. Когда же весь экипаж прибыл к месту назначения, Иван Семенович легко соскочил на землю, а вот выгрузка Ирины Федоровны, которую мужчины на руках извлекали со дна «экипажа», конечно, сопровождалось диким хохотом. Громче всех заливалась смехом сама героиня, приговаривавшая: «Товарищи! Ну на что он меня подбил?!» — адресуя это, конечно, Ивану Семеновичу.

Моторная лодка большая, но нас на два человека больше, чем предполагали сначала. Все равно грузимся. На носу лодки располагается наш гид Тоня. На первой

скамейке — Ариадна Борисовна, Иван Семенович и я.

Лодка причалила к берегу. Тоня высокочила, как газель, за ней легко прыгнул длинноногий Иван Семенович. Надежда Алексеевна тихо сняла туфли, приподняла платье, так же спокойно слезла в воду и дошла до берега. Ее примеру последовали все женщины, кроме Ирины Федоровны. Ей такой способ не подходил совсем. Выскочили на берег Геннадий Петрович и Слава. Надо было видеть фигуру Ирины Федоровны! Массивная, даже монументальная, с чрезвычайно решительным лицом, она опиралась на шест лодочника, стоя в лодке. Ну — Ермак и покорение Сибири. Не иначе!

Постепенно все обсохли, оделись и пошли на пристань, со смехом переживая все прошедшее. В плавучем ресторанчике был заказан ужин. За столом много пели: пела Ирина Федоровна цыганские романсы — «Милая», «Всех покину», «Вы не придет вновь» и даже «Мама, я чужука люблю». Аккомпанировал Слава. Очень много пел Иван Семенович под гитару — играл сам и Слава. Пел русские романсы — «Что ты клонишь над водами», «Я тебе ничего не скажу», «Отцвели уж давно хризантемы в саду», «Ты меня не любишь, не жалеешь», мой любимый вальс «Я не могу смеяться»...

Это было незабываемо. Маленькая комната ресторана на дебаркадере, окно на озеро — видны синие-синие вода и небо, парящий Покровский собор в луках заходящего солнца.

Подходит «ракета», с которой мы должны отправиться в обратный путь.

Неоглядные дали. (г. Следин, над рекой Прут). 1971 год.

Все переполнены впечатлениями, но все же Ирина Федоровна не унимается и продолжает петь под аккомпанемент Славиной гитары. Сзади передают книжки-альбомы «Кжи» с просьбой дать автограф. Какое-то время Иван Семенович занимается этим. Потом сидит с Надеждой Алексеевной и ведет тихую, видимо, очень интересующую его беседу. (Потом, уже на берегу и даже в Москве, много лет спустя, он вспоминал о том, что Надежда Алексеева очень доверительно рассказывала ему о Горьком...)

Вернувшись в Петрозаводск. Иван Семенович с Ириной Федоровной поехали на машине, а мы все пошли пешком вдоль озера по главной улице, ведущей к гостинице. И сейчас мне жаль, что Иван Семенович нешел с нами — так великолепна была ночь.

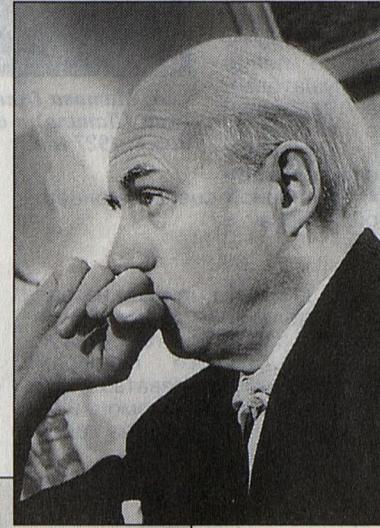
Снова собрался импровизированный ужин с какой-то вкусной рыбой. И хоть Иван Семенович все приговаривал, что собрались мы не надолго, но разойтись не могли — все вспоминали поездку, Иван Семенович, по обыкновению, «разыгрывал» Ирину Федоровну.

Следующее утро началось по-деловому. Машину для поездки на Кивач Ивану Семеновичу представил обком партии, но перед этим Иван Семенович считал необходимым нанести туда визит. А до этого уточнил у меня номер расчетного счета колхоза Марьиновки, на который должен был перевести гонорар за прошедшие концерты.

Когда Иван Семенович и Геннадий Петрович вернулись из обкома, Иван Семенович, конечно, стал уговаривать всех ехать вместе с нами. В итоге, как и следовало ожидать, уговорил. Едем двумя машинами. Сначала на Марциальные воды, потом — Кивач.

Дорога прекрасная, очень живописная. Останавливаемся на каком-то холме, откуда красивый вид. Тут же старое кладбище, на котором мы нашли могилу русского филолога Фортунатова.

Кругом валуны, сосны и неоглядные дали впереди. Потом остановились в маленькой деревушке около большого озера. «Вот бы тут пожить, помечтать!» — говорит Иван Семенович. Два мужика сгребают в копну сено, и

Иван Семенович берет небольшую охапку сена с собой (он любит привезти домой сено, на которое зимой, на кутью, по украинской обычай ставится утварь). Но на вопрос кого-то, зачем он взял сено, на полном серьезе отвечает: «Нину по дороге буду корить». Все весьма веселились по этому поводу.

Дорога к курорту «Марциальные воды» довольно оживленная. Это железистые источники, открытые еще при Петре I. Там есть и мемориальные доски, и даже его биост.

В помещение, где небольшой музей, пошли не очень охотно, решив все осмотреть быстрее.

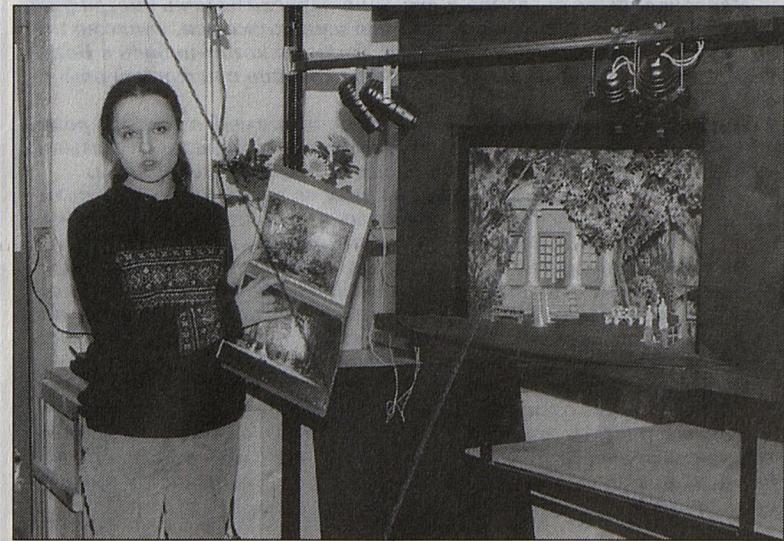
Был и смешной случай. Пока в музее в книгу отзывов писали впечатления, я вышла и села в тени на скамейку. Спустя некоторое время ко мне подошла интеллигентная пожилая женщина и сказала: «Что же вы здесь сидите? Идите скорее в музей, там Козловский. Он сюда приехал. Идите. Идите, когда еще его увидите!» Я поблагодарила ее.

Мы попробовали воды из источника и поехали дальше на Кивач. Посмотрели, как сплавляется лес по желобу, погуляли. А назавтра вылетели в Москву...

14 марта в Большом театре состоялся гала-концерт, посвященный 100-летию Ивана Семеновича Козловского. Перед началом выступил Борис Александрович Покровский со вступительным словом.

Опера «Евгений Онегин»

Обсуждение макета и эскизов костюмов

А. Пикалова у макета «Евгения Онегина».

Фото Н. Антикова.

проделанную работу, говорили о том, что главное внимание в ходе монтировочных репетиций должно быть обращено на сокращение до минимума сидячих антрактов между картины — они не должны превышать 1,5 минуты.

В связи с тем, что эскизы костюмов П. Вильямса не сохранились, Е. Меркурова восстановила их по костюмам, которые находятся в постановочной части театра, и точному описанию каждого костюма, сделанного при постановке самим художником.

Участники совещания были единодушны в своем пожелании качественно восстановить оформление и костюмы к спектаклю «Евгений Онегин» 1944 года с использованием современных технологий и материалов.

9 марта макет оформления обсудил технический совет театра.

Вручен приз «Душа танца»

4 марта при огромном стечении публики журнал «Балет» в шестой раз вручил ежегодный приз «Душа танца». Среди его лауреатов 1999 года — Ольга Лепешинская (в номинации «Мэтр танца») и Мария Александрова, получившая свой приз «Восходящая звезда» из рук лауреата «Души танца»-95 Николая Цискаридзе.

В торжественном концерте, прошедшем на сцене Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, приняли участие солисты многих московских и петербургских театров. Большой представляли Мария Александрова и Дмитрий Белоголовцев, Анна Антоничева и Андрей Уваров, Ян Годовский, Марианна Рыжкина, Андрей Болотин, Елена Андриенко и Владислава Степаненко.

М. Александрова получает приз из рук Н. Цискаридзе.

Фото И. Захаркина.

димир Непорожний, Анастасия Волочкова, Галина Степаненко и Николай Цискаридзе.

Примите поздравления

2 марта исполнилось 50 лет художнику-скульптору участка по изготовлению жестких декораций Колтыгину Валерию Павловичу.

За время работы в мастерских Большого театра он сотрудничал с такими выдающимися художниками, как В. К. Клементьев, В. Я. Левенталь, С. Б. Вирсаладзе, Н. Н. Золотарев, что способствовало проявлению его художественного мастерства.

Он принимал участие в оформлении большинства спектаклей, шедших в период с 1975 по 1986 г., а также спектаклей последних лет, таких как «Опричник» П. Чайковского, «Аида» Дж. Верди, «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова, «Конек-горбунок» Р. Щедрина, «Прекрасная мельничиха» Д. Пайзиса, «Русский Гамлет».

В настоящее время воплощает в жизнь сложное оформление для ближайшей премьеры театра — балета Ц. Пуни «Дочь фараона».

Свою работу он выполняет на высоком художественном уровне, с безупречным вкусом и пониманием художественной задачи. Своим опытом В. П. Колтыгин щедро делится с молодыми коллегами.

Валерий Павлович пользуется заслуженным авторитетом в коллективе. Администрация театра неоднократно отмечала его работу.

Приказом дирекции в связи с 50-летием со дня рождения, безупречной трудовой деятельностью художнику-скульптору Валерию Павловичу Колтыгину объявлена благодарность и выдана денежная премия.

ИЗДАТЕЛИ ГАЗЕТЫ:
БОЛЬШОЙ ТЕАТР РОССИИ
И РЕГИОНАЛЬНЫЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ
РАЗВИТИЮ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

СОВЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РЕДАКТОРОВ:
П. С. Глубокий, М. В. Кондратьева,
Б. Б. Моисеев, З. Л. Соткилава,
А. И. Степанов, В. В. Часовенская.
Редактор номера — М. В. Кондратьева.

Адрес редакции:
103009, Москва,
Театральная пл., 1
Тел.: 292-66-52;
внутренние: 4-79, 5-25
Fax 292-6652.

ГАЗЕТА НАБРАНА И ОТПЕЧАТАНА
В ОАО ПО «ПРЕССА-1»
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24. Тип. № 628
Номер подписан в печать 14 марта в 12 час. 30 мин.